

Юрий
МИХАЙЛОВ

**ТЫ ПОХОЖ
НА АСТЕРОИД...**

Юрий Михайлов

Ты похож на астероид... (сборник)

«Автор»

2018

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Михайлов Ю. Х.

Ты похож на астероид... (сборник) / Ю. Х. Михайлов — «Автор»,
2018

В книгу Юрия Михайлова вошли две повести: «Ты похож на астероид...» и «Несбывшееся» – вторая часть книги, увидевшей свет в прошлом году. В повести «Ты похож на астероид...» читателей захватывает рассказ подростка о сложных отношениях в его семье и первой любви к однокласснице. Своего любимого деда он называет – астероид... Августом 91-го года прошлого столетия заканчивается повесть «Несбывшееся», когда одни чиновники победили других и побеждённые получили тюрьму, изгнание, забвение. Среди них оказался известный журналист, незадолго до этого ставший советником премьер-министра великой страны... Произведения автора популярны в интернете.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

© Михайлов Ю. Х., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Ты похож на астероид...	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Михайлов

Ты похож на астероид... (сборник)

© Михайлов Ю. Х., 2018

* * *

Ты похож на астероид...

Глава 1

Моего деда зовут Николай Иванович, его внука, то есть меня, – Саша, кузнечика мы называли – Кузя. Он, как и его друзья, любил зелёную траву в тени большущей яблони и зарослей белой акации в нашем саду. Моя бабушка, Татьяна Васильевна, каждый раз, как подходит к ней, тихо напевает: «...Белой акации гроздь душистые ночь напролёт нас сводили с ума». Она влюблена в неё, но ворчит, что та разрослась на целый квартал, потеснив всех соседей.

Мой папа – сын бабушки – был шаловливым и непослушным в детстве, угробившим, по словам бабы Тани, её здоровье. Дед Коля так не считает, говорит, что мой отец – отличный редактор, но, поскольку он «обалдуй, у него всё наскоком получается». Он шутит такими словами, это я точно знаю. Отдельно хочу сказать о младшей сестрёнке – пятилетней Дарье, такой дурочке и крикунье, что слов нет. Но я всё равно сильно люблю её, сам не знаю почему. Как скажет, хитрюга: «Са-а-ша, я тебя обожа-а-ю...» – я готов всё-всё отдать ей. Она сейчас у второй бабушки – врача, которая со знакомым логопедом исправляют её речь. А так мы, вообще-то, живём в другом городе, мама и папа работают, а нас с сестрёнкой подбрасывают на лето по очереди к своим родителям.

Короче, про Кузю хотел рассказать. Он появился в конце весны. Дед Коля с бабой Таней – пенсионеры, уже всю жизнь жили в деревне, у большой реки, где моторные лодки да рыбалки по утрам. Сидели они на открытой веранде дома, попивали чай с мятой. Видят, как на полуметровый по высоте порог заскакивает большущий кузнечик, тёмно-зелёный с коричневыми шипами на лапах. Страшный, бабушка дар речи потеряла, чай забыла ко рту поднести. А дед успокоил: – Вот и гость. Пусть за сверчка будет, не пугайся, это к достатку в доме, давай-ка последим за ним...

А что тут следить? Тот спокойно так, не прыгая, почти вразвалочку, проковылял к углу веранды и скрылся в щели между вагонкой.

– Значит, сюда он не первый раз наведывается, – сказал дед, – где-то у него проход есть в комнаты. Послушаем, запоёт или нет...

Молчал и вечером, и утром зелёный квартирант, но к каждому заходу солнца за горизонт прыгал на веранду и шёл в свой угол. Дед понял, что кузнечики всё-таки не сверчки, не живут, а только ночуют в доме, утром – на луга уходят. Но всё равно привыкли они к Кузе, стали считать его своим соседом. И если он не приходил на ночлег, то огорчались, ждали на освещённой веранде допоздна. А потом он совсем исчез. И к нашему приезду в гости они забыли про Кузю, не до того было: внуков-то видели раз в году, готовились к встрече.

Но за неделю до моего приезда, рассказал потом дед, смотрел он телевизор, после фильма потянулся к торшеру, чтобы выключить свет, и тут что-то колючее попало под руку. Испугался, отдернул пальцы, видит: сидит на перекладине, ведущей к абажуру, здоровенный кузнечик, очень похожий на Кузю, только ещё большего размера.

– Ну ты и вымахал, – сказал дед, – и где тебя носило всё это время?

Кузнечик сидел неподвижно и смотрел на деда. Тот протянул палец, погладил красавца по спинке. Терпит, не сдвинулся с места, потом поднял передние лапки и будто стал ими гладить длиннющие задние ноги. Я сказал тогда деду: «Что-то фантастическое есть в огромных кузнечиках, будто это посланцы „зелёных человечков“ с других планет». Он со мной согласился.

Видел я Кузю всего несколько раз: всё-таки мне, хоть и десятилетнему почти, ложиться после 22 часов поздновато. А он приходил на ночлег в сумерках, перестал пользоваться лазом,

скакал через тёплую веранду прямо в гостиную, забирался на торшер и смотрел с дедом и бабушкой телевизор. У стенки стояла небольшая тарелочка с выемкой для воды, рядом хозяева складывали мини-кусочки огурцов и яблок. Ел он или нет – не знаю, дед говорил, что сосед сидел на блюдечке подолгу, видимо, ждал, когда выключат свет. Но точно знаю: не певец был Кузя, ни разу в доме не выступил с концертом.

В середине августа, незадолго до моего дня рождения, решили с дедом наловить рыбки, приготовили снасти, всё выставили на открытую веранду. А надо сказать, что в конце нашего двора на толстенной ёлке жила ворона, которая не каркала, а крякала, словно дикая утка. Летела по небу и крякала так, что у охотников сердце замирало, думали, наверное: неужели утки начали собираться в стаи, рано вроде бы ещё? Так вот, эта нахалка раз-два в неделю, строго на рассвете, спускалась во двор и обследовала все закоулки, включая даже веранду. Соберёт крошки, попьёт кошачьего молока и взлетит на довольно пологую крышу дома: ката-лась она, лёжа на спине, помогая себе лапами, как рулём. Сам видел этот цирк, не вру.

Короче, в то утро дед, как всегда, встал первым, стал готовить завтрак, стеклянную дверь не открывал, увидел через неё, как по веранде расхаживает ворона. Подошла к углу и давай долбать клювом по вагонке. Дед вспомнил о Кузе, загремел ключами, но было уже поздно. Если бы он раньше открыл дверь, ворона не посмела бы ходить по веранде, кузнечик спокойно бы доскакал до двора, а там попробуй поймай его в траве. Дед разглядел, как, держа Кузю в клюве, ворона с разбега взлетела в воздух, курс держала прямо на мохнатую ель.

Мог ли ошибиться дед, тем более без очков? Мог, конечно. Но квартирант больше не приходил к нам вечерами. Жалко Кузю, но дед сказал: таков закон природы, ему миллионы-миллионы лет и тут уж ничего не поделаешь...

Потом приехала Даша, она очень любит всё живое, особенно котят и щенков. Мы решили не рассказывать ей про Кузю, бабушка вздохнула: «Зачем огорчать пятилетнего ребёнка. В мире и так столько жестокого...»

Глава 2

Лето напугало погодой: перевалило за макушку, а купались в реке только местные мальчишки. Дедушка Коля обещал сводить меня и Дашу на самодельный пляж: «как только, так сразу...» Я понимал его юмор, куда пойдёшь, если вода – не выше семнадцати градусов. И вот второй день – солнце, дожди прекратились сразу, к ночи затих ветер, но трава мокрая и к пляжу практически не спуститься, берег глинистый, обрывистый, едешь по нему как на коньках. Всё же решили сходить, дед выстругал палку, на больную ногу надел двойной наколенник (ещё мальчишкой разбился, играя в футбол), собрали коврики, полотенца, совки да формочки для песка (это всё для Даши), а удочки решили не брать: сделаем разведку боем, будет видно, что взять на подкормку рыбы.

Ива – от кустов до мощных деревьев – фактически спрятала берег реки, только на повороте в затон вода намыла метров сто чистейшего песка. До десяти утра там хозяйничали рыбаки, ловили на донки, блеснили судака, но как только песок прогрелся на солнце, они ушли: дети буквально бежали на излюбленное место, над рекой, – крики, визг, брызги воды во все стороны.

Мы долго не решались зайти в воду, дед помалкивал, разминал ногу, а бабушка Таня обтёрла Дашу мокрым полотенцем. Она вообще была против купания после такого холода. Наконец дед взял меня за руку, повёл к повороту в затон, где с горы нёсся быстрый родниковый поток. Зачерпнул ладонями сверкающую на солнце хрустальную воду и начал меня обтирать. От холода перехватило дыхание, но выдержал пытку: всё-таки мужчина. После этого дед сказал:

– Вот теперь иди в реку...

Фантастика! Вода казалась теплее парного молока. Я не раздумывая нырнул, проплыл метров пять под водой, потом грёб по-собачьи, осилил ещё метров десять. И никакого холода не испытывал. Но плаваю я, вообще-то, плохо, всё время занимает секция большого тенниса, в бассейн некогда сходить. Вот мы и решили с дедом удивить родителей, к концу лета показать им рекорды по дальности заплыва.

Даша так и не решилась окунуться, присела раз-другой в воду, только трусики замочила. Дед не плавал, зашёл в воду по пояс, вымыл лицо, плечи, руки, туловище. А бабушка, будто противореча себе, заплыла довольно далеко, почти до фарватерных буйков. Солнце припекало, обсохли быстро. Мы с дедом сходили на валуны, посмотрели, чем прикармливают и на что после холодов ловят рыбу. Вовсю шло тесто с подсолнечным маслом, опарыши, хотя и на червя брали окуни и плотва. Решили завтра устроить большую рыбалку, встать с восходом солнца.

На гору поднимались долго, серпантин обманывал нас своими изгибами, но так было легче идти, особенно дедушке. Я рассказывал ему о последней игре, появившейся в компьютере, вижу: слушает внимательно, а вот понимает из того, что я говорил, далеко не всё. Ну что тут сказать: его время ушло, техника сильно шагнула вперёд, он со своим стареньким ноутбуком отстал и, похоже, безнадежно. Бабушка о чём-то разговаривала с Дашей.

Метрах в двух впереди нас из лопухов на довольно широкую дорожку выползла лягушка, которая буквально тащила полуметрового ужа, вцепившегося ей в заднюю левую лапу. Чёрный, с яркими жёлтыми пятнами сзади головы, он извивался, стараясь обхватить лягушку кольцом. Но слишком мал обжора, не рассчитал силы, пожадничал: было видно, что лягушка в пять раз больше его головы. Но добычу он не выпускал, выделял туловищем потешные кренделя, стараясь удержать в схватке хотя бы равновесие. Не тут-то было: по ноге жертвы бежала кровь, и всё же она упорно тащила ужа к луже.

– Дедушка! – заверещала Даша, – что он делает? Кто это напал на бедненькую лягушку? Укусил её до крови...

Она была готова расплакаться от жалости к четвероногой жертве. Бабушка громко сказала:

– Николай, прекрати это безобразие, творящееся на глазах детей!

– Это не безобразие, – ответил дед, а сам улыбается, – это, ребята, естественный отбор. Так устроено природой: выживает сильнейший. Но здесь явно не рассчитал свои силы уж, придётся помочь лягушке...

Он стукнул палкой по земле, рядом с туловищем ужа, но не захотела змейка отпустить вкусный обед. Тогда дедушка подцепил образованное ужом кольцо и довольно сильно швырнул его на дорогу. Лягушка оказалась на свободе, заметно приволакивая окровавленную ногу, она поползла к луже. А уж проворно скрылся в зарослях лопуха.

– Беденькая лягушечка, – запричитала Даша, – живи спокойно. Пусть твоя ножка скорее выздоравливает...

– Твои объяснения слишком жестокие и неуместные для детей, – тихо сказала бабушка.

– Они должны знать правду, – ответил дед, – в том числе и о живой природе.

Мы все четверо подошли к луже, увидели, как лягушка сидит в воде, на её лапке уже не было крови. Дедушка сказал:

– Заживёт всё быстро, хладнокровные почти не чувствуют боли. А ящерица вообще полхвоста оставляет в руке человека, если тот вдруг ухватил её за хвост. Но отрастает он заново за несколько дней.

Эти слова успокоили Дашу, и бабушка всю дорогу до дома рассказывала ей про лягушек.

А я спросил деда: мог бы уж заглотать лягушку? Он посмотрел на меня и кивнул, сказав, что мальчишкой видел ужа ещё меньшего размера, заглотавшего в гнезде перепелиное яйцо. «Бедняга, как-то боком-боком, перекатился к ямке и залёг там, надеясь, что скорлупа скоро лопнет и растворится», – дед говорил тихо, чтобы его не слышали Даша и баба Таня.

Я понимал, что дедушка ведёт со мной взрослый разговор, честный, без вранья. Взял его за вторую, свободную от палки, руку, и мы стали догонять наших женщин.

Глава 3

Ужинаю, потом играю на компьютере, читаем вдвоём с дедом, и спать. Я люблю эти часы, когда все вместе. А сейчас едим бабушкины блинчики с творогом, рассуждаем, я говорю:

– Как жалко, что люди умирают. Особенно хорошие люди. Их жальче всего...

– Правильно говорить – жалко... Кого особенно тебе жалко, Саша? – спрашивает бабушка Таня.

– Юрия Гагарина, Пушкина, Ивана...

– Какого Ивана?

– Мамино папу. Но мы его все звали Иваном...

– А бабушку Тамару как вы зовёте?

– Тамара. – Я понимаю, о чём говорит баба Таня, мне самому как-то неудобно вторую бабушку называть просто по имени, но она так захотела... И сделала. Дашке, конечно, пока всё по барабану, а мне совсем нет, особенно на улице, особенно при пацанах. Вот поэтому я стараюсь никак не называть бабушку Тамару.

– А Пушкина можешь почитать? – просит дед, которому захотелось увести наш неприятный разговор.

– Конечно... – И начинаю читать: – Мой дядя самых честных правил...

Читаю минут пять. Мог бы и больше: много чего из «Евгения Онегина» запомнил, когда мне читали его папа, потом мама и даже сам дедушка. Память у меня отличная. Мы с ним на спор читаем книжки постранично: он начинает, замолкает, а я спокойно продолжаю говорить текст почти слово в слово. Дед гордится мной, да и мне приятно.

– Ты рассказывай, а заодно и кушай, блинчики-то остывают, – настаивает бабушка.

– Я к тебе на блины приехал, да? – шучу, бабушка улыбается, но отвечает серьёзно:

– Ты можешь и не только в гости. Можешь оставаться у нас с дедом, хоть навсегда...

– Нет, надо ехать, но когда дождёмся Дашу. – (Она ещё не вернулась от второй бабушки.) – Школа, теннис... А кстати, – спрашиваю, – вы играете в «Монополию»? Мы играем, и довольно часто.

– С кем? – говорит дотошная бабушка.

– Папа, мама, я... А Дашка нам мешает, приходится кой-кому или не играть, или играть вполсилы... Часто мама так делает... Ты готов поиграть со мной? – спрашиваю деда.

– Я всегда – всегда... – шутит он, но понимает серьёзность вопроса, говорит без смеха: – Конечно, мне трудно будет, но ты, как всегда, поможешь, да?

– Помогу. Но ты отстал, тебя надо накачать по компьютеру. Кстати, баба Таня – быстрее понимает, потому что у неё нет претензий и своих представлений. Я учу – она понимает. А ты вечно с какими-то вопросами. А тут надо просто запоминать...

– Спасибо, очень толково объяснил, – не удержался дед. Я понял, что опять нечаянно обидел его.

Мы пошли к компьютеру, бабушка начала мыть посуду. Я чувствовал, что какой-то осадок остался после моих слов, сказал, типа, с извинением:

– Зря ты обижаешься... Я же не обижаюсь на папу, когда он учит меня на компьютере. А ты – отец моего папы, помнишь его маленьким?

– Представь себе...

– А что представлять-то, вполне понятно... И ты его так же учил, воспитывал и даже ругал?

– Да, но никогда не наказывал, как в мультиках показывают...

– Причём здесь мультики, дедушка... Ты вообще не такой, как все. Ты вообще космический, всех любишь, никого не ненавидишь, ты вообще похож на астероид...

– ???

– Да, точно, все о тебе помнят, и все тебя боятся, на всякий случай. И все тебя уважают. Мало ли, что вздумает сказать дед. А ты правда генерал в отставке?

– Нет, я сугубо мирный человек, но работал с премьер-министром той, большой страны...

– И здоровался за руку с президентом?

– Было дело, но давно...

– Мне Димка, твой старший внук, мой двоюродный брат, рассказывал: на ВДНХ к вам за перегородку, где стояли посетители выставки, вместе с охраной перелез премьер-министр и долго с тобой разговаривал, а Димку спросил, как он учится. Тот рассказал об этом в школе, парни балдели...

– Это на что-то может повлиять в наших с тобой отношениях? – усмехнулся дед.

– Не думаю, но просто об этом никто не знает, а жаль. Чаше слышишь: «Зачем расстраивать деда». И вспоминают о твоём больном сердце. Хочешь, я буду приезжать, когда тебе вдруг будет плохо? Просто буду жить у вас, пока тебе не станет хорошо...

– Отлично, будем рыбачить, гулять по лесу, собирать ягоды и грибы, будем вести здоровый образ жизни...

– А что, приемлемо! А вообще-то, дедушка, ты должен знать: я люблю тебя до космоса и выше...

– А что может быть выше космоса?

– Так это я же самый! Который любит тебя выше космоса...

– Поверь, и я люблю тебя выше космоса! – сказал дедушка Коля.

Он вышел с тёплой веранды, думая, что прикрыл за собой дверь, а она осталась приоткрытой. Я услышал, как он сказал бабушке, типа того, что интересное поколение растёт. Очень открытое, не стесняется своих чувств. Но и жёсткое, надо дотягиваться до их уровня развития, до современных технологий, что ли...

– Узнай, пожалуйста, Таня, как работают компьютерные курсы... – На этих словах дедушки я уснул.

Глава 4

Об этом я не говорил даже с отцом. Но точно знаю: при встрече обязательно поговорю с дедушкой Колей. В школе заканчивались занятия. Мы знали с Артёмом, что будем делить первое место по оценкам. Он, вообще-то, посмелее меня, всегда с деньгами, с планшетом и крутым мобильником. Да и секция самбо сказывается: наглет просто на глазах. Всё ему хотелось первым среди пацанов стать. Недавно ещё двое друзей от меня откололись, всё ближе к Тёмке жмутся, будто их кто-то обижает и они ищут защиты. У меня, конечно, нет секции единоборств, хотя большой теннис – тоже неплохо, под правую руку лучше не попадайся. Я терпел выходки и мелкие пакости соперника, старался не реагировать на них. Но в мае – полный облом в наших отношениях случился.

Учится в нашем классе новенькая девочка, переехала в город с родителями, папа – военный, служит в гарнизоне. Зовут её Екатерина. Я первый познакомился с ней, спросил, можно ли называть её Катя. Она согласилась. Потом подружил Тёмка, начал выступать и назвал её Кэт. Девчонка страшно красивая, но стеснительная, не отшила спортсмена сразу и, по-моему, даже заискивала перед ним. Вот это меня огорчило: ну какая она Кэт, и что за чушь несёт Артём? А она слушает... Я не стал вмешиваться в разговор, отошёл к ребятам на баскетбольную площадку.

Девчонки не больно-то приняли новенькую, и она всё больше одна оставалась или с Тёмкой, слушала музыку из мобильного. Со мной хорошо разговаривала, но коротко, старалась побыстрее уйти. А я начал потихоньку скучать без неё, мне хотелось подольше побыть с ней, погулять по набережной, зайти в павильон с мороженым, сходить в кино. Не тут-то было, за ней приезжали отец или мама и увозили из школы: до гарнизона идти почти три километра по лесной дороге.

Артём в глаза смеялся надо мной, его дружки подтрунивали над моим вниманием к Кате. Я не хотел ссоры, отступал, но многие принимали мои шаги за трусость. Всё решилось в минуту: Артём симитировал падение под учебный стол, схватился за ногу, застонал. Катя стояла рядом, бросилась к нему на помощь. К этому времени в класс зашли почти все ребята, увидели, как Тёмка обнял склонившуюся над ним девочку и стал целовать прямо в губы. Она пыталась вырваться, но сильные руки крепко держали её.

Я не раздумывая схватил его голову и сильно ударил по железной ножке стола. Артём взвыл от боли, Катю отпустил, быстро встал на ноги и пошёл на меня мелкими шагами, пританцовывая. Руками искал моё туловище, ухватил руку, сделал обманное движение, потом – подсечку, и я грохнулся затылком об пол. Круги перед глазами, но боли не чувствовал, вскочил, тоже сделал обманное движение, и его челюсть очутилась у моей правой руки. Летел он метра три, плохо приземлился, ударившись о батарею отопления под окном. Когда я выходил из класса, он всё ещё лежал на полу. Катя шла за мной, в коридоре нас встретила учительница английского языка Бэлла Наумовна, спросила, что это мы разгуливаем. Катя стала быстро говорить о том, что произошло. «Ладно, – сказала англичанка, – пошли в класс, пока никому не говорите об этой истории...» В общем, учительница помирила нас с Артёмом, внешне вполне пристойно получилось, даже родителей не пришлось вызывать в школу. Так, повздорили двое из-за девочки, с кем не бывает?

Я чувствовал себя вполне уверенно, точно не боялся самбиста, знал, что смогу дать отпор. Меня смущала Катя: то ли она так испугалась за себя и меня, что волей-неволей опять стала заискивать перед Артёмом, то ли она влюбилась в него и ей не хотелось терять его внимания. Она просто тянулась к нему, искала глазами на переменах, бежала на зов, как собачка-дворянка. А мне было каково? Я ведь, кажется, влюбился в Катю: думал о ней в школе, особенно

дома и даже на тренировке в спортзале. За рассеянность уже не раз получал втык от тренера. Он сказал:

– Саша, что с тобой? Встряхнись! Уж не влюбился ли ты?

По успеваемости меня признали первым, Артём по итогам за пару контрольных и годовой диктант отлетел на пятое место. И что самое позорное для него: впереди оказались аж три девчонки. Хотя, в принципе, успеваемость в классе всем была по барабану. Перебиваются so-so на тройку и замечательно живут. Балдеют за планшетами, покупают вскладчину новые версии игр, в общем, всё ОК. Но учебный год кончался, и родителям не всё равно, как наша успеваемость.

Я слышал, у Артёма с отцом, владельцем ярмарки бытовой техники, был большой скандал, не ожидал тот, что сын вылетит из отличников. Катю, в связи с частыми переездами, не аттестовали, за лето предложили сдать экзамены по математике и русскому языку. Она подошла ко мне, попросила подготовить её к переэкзаменовке. А я уже знал, что уезжаю с отцом к деду, и довольно скоро. Но пообещал, и в этот же день мы просидели в библиотеке школы больше двух часов. Я сказал, что нужен репетитор, но по её реакции понял, что денег в семье нет. Кстати, это можно было понять по старенькому жигулёнку, на котором родители приезжали за ней в школу. Я предложил свои накопления на ноутбук, около десяти тысяч рублей. Она отказалась, без продолжения этого разговора.

На последнем занятии учителя приходили в основном, чтобы попрощаться с нами до осени. Артём сидел сзади меня, крутил в руках какой-то старенький планшет. Когда самая строгая в школе учительница Леокадия Ивановна (кличка Лика) подходила к моему столу, он буквально подбросил мне планшет. Я глянул на экран, опупел: одни голые женщины. Учительница сказала, посмотрев на меня:

– Не можете даже на прощальный урок прийти без компьютеров? – И тоже опустила глаза на экран.

Что было дальше? Лучше не рассказывать. Папа вроде бы поверил, что меня подставили, а мама до сих пор считает, что я мерзавец. Тяжело было, особенно в первые день-два. С Артёмом разбираться – бесполезно: он открестился не только от планшета, но и сказал, что я постоянно показываю всем пацанам в классе картинки из женского душа. И вскоре улетел с родителями в Турцию. Не знаю, если бы не отец, ходивший к директору, что со мной было: наверное, отчислили бы из школы. Но про драку с Артёмом из-за Кати я не сказал ни слова. Может быть, и зря: ноги отсюда росли, без сомнения.

Вот с такими мыслями я прилетел к деду Николаю. Сказал, что мне очень надо с ним поговорить, один на один. После обеда, когда баба Таня прилегла отдохнуть, мы с дедом ушли на реку, к причалам. Тишина стояла послеобеденная, знойная, молчали лодки, не шли по руслу пароходы и баржи. Только волны тихо плескались о деревянные сваи. Рассказал я деду эту печальную историю, и впервые мои родственники узнали про драку.

– Ты чувствуешь себя победителем? – почему-то спросил дед. Ответил я сразу, не раздумывая:

– Конечно! Все это видели и признали. И я не боялся и не боюсь его, хотя головой врезался прилично.

– Ну одно это – уже хорошо... А как Катерина отреагировала на обвинения с планшетом в твой адрес?

– По-моему, поверила мне... Да все поняли, что Артём сподличал, подбросил чей-то старый планшет. Одна Лика, ну учительница, ничего не хотела слышать, кричала, что за порнографию можно и срок тюремный схлопотать.

– Понятно, – не спеша сказал дед, – хорошо, что отец верит тебе. Я тоже верю тебе, на сто процентов. А с папой я поговорю, чтобы он убедил маму оставить тебя в покое. В знак полного доверия, я, как и раньше, оставляю тебе компьютер без ограничений и запоров на

программное обеспечение. С игровым диском разбирайся сам, там столько всего, что на пять каникул хватит... Второе, теннис хорошо, но придётся накачать мышцы, надо хотя бы раз-два в неделю походить на бокс или дзюдо, последнее даже лучше, на мой взгляд. Третье, нехорошо совать человеку под нос деньги, это обижает, мало ли причин у него может быть на этот счёт. Ты Катю, несомненно, обидел, надо найти повод, чтобы исправить свою ошибку. Лучше самому позаниматься с ней...

– Дедушка, так у меня времени не оставалось, уже билеты на самолёт лежали, чтобы лететь к вам, всё было распланировано по часам.

– Понятно, тогда бы объяснил, думаю, она поняла бы и не остался на душе осадок. Или бы попросил отца перенести вылет на недельку...

– Представляю реакцию мамы, у неё тоже билеты лежали: ко второй бабушке лететь с Дашкой.

– Поговорил бы с отцом, может, он и понял бы тебя, как мужчина мужчину, придержал бы вылет.

– Да, ты, наверное, прав. Зря я сделал из этой истории слишком большой секрет, с папой даже не поговорил, думаю, он бы меня понял...

– Даже не сомневаюсь, – сказал дед, встал со скамейки, взял меня за руку и направился к большущей моторной лодке «Доре», причалившей ко второму, нижнему ярусу причалов. В ней сидело четверо профессиональных рыбаков, вернувшихся с утренней путины. Всё дно лодки – завалено рыбой: судак, сазан, лещ, несколько гигантских щук... Тут же по рыбе ползали крупные раки, тёмно-коричневые с седыми пятнами-проплешинами на панцире.

Когда возвращались домой, неся на самодельном кукане приличных размеров щуку, а в пакете – пяток гигантских раков, дед сказал, что мои проблемы растают словно дым от костра. Но предупредил, что мстить Артёму не стоит, может, он уже и сам пожалел, что сделал такую подлость. Ещё сказал, что внимание девочки надо заслужить и что она должна в безопасности себя чувствовать с тобой. «Ты в школе первый её защитник, а потом уже – семья и все остальные», – добавил он.

С бабушкиного мобильника, древнего, как Русь, я позвонил Кате по её домашнему номеру телефона. Я ушёл на второй этаж, выбрался на крышу, и мы здорово поговорили. Ей разрешили сдать экзамены в конце августа, экстерном. «Если папу опять не бросят куда-нибудь на край земли, – пошутила она совсем невесело, – то в сентябре увидимся...»

Я сказал:

– Давай в сентябре сядем за один стол, я буду помогать тебе, а ты мне?

– Конечно, я мечтала, что ты скажешь мне эти слова... Звони, а пока – до осени, до встречи за одним столом.

У меня наступило время замечательного настроения. Улыбалась бабушка Таня, большой палец показал дед Коля, а в медном тазу для варенья, куда поместили раков, они, похоже, для меня устроили целое представление: заползали друг другу на спины, пытались добраться до высоких краёв, шуршали панцирями и даже щёлкали клешнями. Я предложил:

– А давайте выпустим раков на свободу?

Решили: пусть поживут до утра, всё-таки второй раз идти на реку – далековато. Дед принёс старое корыто, налили из бочки дождевой воды (без хлорки) и выпустили раков в плавание.

А я сказал, один на один, деду:

– Спасибо, дедушка, с тобой очень хорошо и легко жить.

Он, улыбаясь, ответил: «Цыплят по осени считают, а?»

Глава 5

Отец – строгий, но мы с Дашкой любим его, потому что он почти всё время с нами. Он работает дома с ноутбуком, планшетом и мобильником. Дверь в комнату не закрывает, говорит: наши голоса лучше помогают добывать хлеб. Иногда, редко, он срывался, кричал, что ему надоела вся эта чертовщина с «коммуникациями, конъюнктурой и вкусовщиной». И что он сдохнет от этого ремесла, так ничего и не сделав путного. Он доставал из холодильника баночное пиво, потом приезжал друг, они весь вечер курили и спорили «за жизнь». Когда мы уже спали, он вызывал такси и отправлял друга домой. А утром папа нас будил, мыл, кормил, одевал и развозил в садик и школу. И всё время говорил: «Тише, не будите маму, пусть поспит...»

Я уже после первого класса хожу из школы домой один: десять минут, две остановки на маршрутке. Иногда за мной заходит мама, тогда мы отправляемся на набережную, раньше времени забираем Дашку из садика и едим мороженое в кафе. Мама пьёт кофе, не курит, хотя ей, наверное, страшно хочется, но она дала слово папе и держит его. А что с другим её обещанием делать, я пока не знаю. Вот сегодня зашли в кафе, усадила нас за столик, говорит: «Посмотрю, может, маленькие шоколадочки есть...» – и направляется к бару. А бар – это большой прилавок с фужерами, рюмками и бутылками, тихая музыка, официант, улыбающийся всем. Я вижу, как она опрокидывает в рот рюмку, наверное с водкой. Берёт с прилавка шоколадку, дожидается, пока официант нальёт в пузатый фужер коричневую жидкость, и идёт к нам. Дашка начинает канючить:

– Мамочка, дай и мне попить глоточек!

– Ты уже и пить захотела? – немножко раздражённо спрашивает мама. – А я думала заказать сок, когда съедите мороженое. Потерпи, сейчас я сделаю заказ... – И снова идёт к бару, выпивает ещё одну рюмку водки, говорит громко:

– Вместе с мороженым подайте и сок. – К нам не подходит, направляется в туалетную комнату. «Щас будет курить, – угадываю её желание, – тайком, уже не может без сигареты».

Пока я смотрел на маму, Дашка наклонилась к фужеру, подняла его двумя руками и сделала глоток. «Господи, – подумал я, оборачиваясь к сестре, – что за визг?» Глаза её наполнились крупными слезами, рот открыт, воздух глотает, как рыба, выброшенная на берег. Я отломил кусочек шоколада и сунул ей на язык, подальше, чтобы она не смогла выплюнуть. Замолчала, смотрит на меня дикими глазами, облизывает губы будто шершавым языком.

– Это лекарство такое противное... – объясняю спокойно, и уже более сурово: – Не лезь никуда без спроса, отравиться можешь. И маме не говори, что хлебнула из фужера. Иначе – попадёт, накажет она тебя!

Мама увидела вскрытую шоколадку, разделила её на троих, себе взяла маленький кусочек, положила в рот и запила жидкостью из фужера, наверное коньяком. Заметила, как мы внимательно смотрим на неё, подняла брови, чуть качнула красивой головой с белыми волнистыми волосами, спросила:

– Что-то не так, милые мои?

Я заметил, что у неё слова становятся длиннее, понял, что это опьянение, но пока ещё лёгкое. Тут же сказал, чтобы соседка моя по столу не ляпнула что-нибудь:

– Жарко, мам, пойдём на набережную, к реке...

– Хочу на аттракцион! – выпалила Дашка. – И селфи хочу с собачкой, ну с той, с которой дяденька даёт фотку сделать...

– Мороженое и сок несут, ешьте, не спешите, у нас много свободного времени, – сказала мама и пододвинула к себе вазочку с зелёным шариком из фисташки.

Ели молча, у меня почему-то совсем пропал аппетит, сок я даже не допил. Было очень тревожно за маму, вспомнил, как весной мы еле дошли до дома, хорошо, помог старый папин

товарищ с работы. Он уложил маму в постель, дождался отца, они сели в его комнате, а дверь, по привычке, осталась открытой. Папа сказал:

– Её спасает сон, она сейчас проспит почти день. Потом я приведу её в норму: аспирин, кофе, минералка, душ... Но вообще-то – это беда. С ней нередко оказываются дети, их можно потерять...

– Надо её работой занять, реши, наконец, эту проблему, – как-то резко сказал папин друг.

– Она – отличный биолог, с аспирантурой, практически из-за детей и меня потеряла профессию. Ты прав, Жора, спасибо за помощь. Прошу, никому: это навредит и Юльке, и семье.

– Юр, ты меня знаешь не первый год: давай возьму её в науку, в издательстве ни одного специалиста-редактора такого профиля, – сказал папин товарищ.

...Я очнулся от маминого голоса:

– Саша, сходи с сестрой в туалет, вымойте рот, пописайте, а я пока расплачусь с барменом, – сказала мама, не глядя на нас. «Значит, ещё выпьет водки, – подумал я, – а может, и покурит. Так, надо повнимательнее быть», – лихорадочно заработала мысль.

– Саш, а у тебя яички, как у собачки? – спросила Дашка, сидя на унитазах, который я протёр бумажным полотенцем.

– Даш, ты дура, что ли? – отвечаю, кстати, не первый раз. – Не смотри на меня, это писсуар для мужчин...

– А разве ты мужчина уже? – Она вытерла бумагой писулю и пошла мыть руки. Я, как мог, помог ей, но детского умывальника здесь не было.

Маму мы увидели на улице, как обычно, она спросила:

– Руки помыли? Хорошо, молодцы. Идём домой, а по дороге – парк аттракционов...

По длине произнесённых ею слов я понял: мама на пределе. Сказал солидным голосом:

– Домой пора, уроков – море разливанное... Давайте на маршрутку сядем, через пять минут – дома.

Даша стала канючить, ей собачку приспичило повидать. Мама потрепала меня по волосам, сказала:

– Доставь нам удовольствие, поиграй с девочкой на аттракционах, а я посижу на лавочке, полюбуюсь на вас.

Мы увлеклись немного: Дашка попросила покачаться на качелях, потом был корабль с красивыми парусами и рулевым устройством, лабиринт из труб, в котором чередовались спуски и подъёмы... В общем, когда мы подошли к маминой широкой лавке с высокой спинкой, она спала, её подбородок лежал на груди. Сумочки в руках не было. А там и деньги, и телефон, и, главное, ключи от квартиры. Я сделал вид, что ничего не произошло, сказал сестрёнке, чтобы она помолчала: мама устала, весь дом без нас перемыла, пусть поспит, а папа сейчас приедет за нами.

Даша нашла веточку, присела на корточки, стала что-то рисовать на земле. По своей клавишной «Нокии» я дозвонился до отца, сказал тихо, чтобы не слышала сестра: «Пап, мы у парка аттракционов, мама спит, сумочки нет... Приезжай скорее». Он попросил поискать сумку под лавкой, она могла и упасть. Увидел её под ногами у мамы, достал, осмотрел, нашёл ключи, кошелек с деньгами. Всё это время отец ждал на телефоне, потом сказал:

– Сидите рядом с мамой, как ни в чём не бывало, не подпускай к ней никого. Я скоро буду. Держись, сын!

Даша рисовала зверюшек, я присел справа от мамы, взял её руку, положил себе на колени. Я знал, что в обиду её не дам, отгоню любого, пусть только посмеет кто приблизиться. Но мне страшно становилось от мысли, что именно сейчас могут подойти люди из нашего дома или, тем более, друзья-одноклассники. Что тогда делать? Мысленно звал отца, просил его приехать как можно скорее. Почему-то вспомнил поездку с папой в дальний район области. Там пришлось заночевать у местного фермера, пузатого говорливого дядьки, построившего в деревне,

на пересечении дорог, «мотель». Запомнил старый плакат для шофёров, вывешенный в столовой на самом видном месте: девочка прижимает к груди куклу, лицо испуганное, в глазах – крупные слезинки. Внизу – подпись: «Папа, не пей! Ты – за рулём!» Я подумал уже сейчас, сидя на лавочке: вот если бы мы купили маме машину, то у нас всё бы было в порядке. Боялся произносить слова «пить – не пить», просто вдруг поверил, что с купленной для мамы машиной у нас всё было бы хорошо.

Отец привёз нашатырный спирт, быстро привёл маму в чувство, попросил меня не отпускать Дашу ни на шаг, и все четверо пошли к машине. Мама еле передвигала ноги, что-то бормотала себе под нос. Но вела себя тихо, не выступала и не ругалась с папой. Я нёс её сумочку, ключи переложил в карман, второй рукой крепко держал сестрёнку. Она устала, притихла, наверное, поняла, что с мамой не всё в порядке, поэтому ей лучше помалкивать. А я рассуждал сам с собой и не мог понять, как человек может пить вино, такую мерзкую гадость. Как бы поговорить об этом с папой, послушать, что он скажет, чтобы на душе стало спокойнее. Я был уверен, что у нас всё будет хорошо, вот только проспится мама, мы купим ей машину, и она забудет кафе-мафе, бары-шмары. И ещё думал я: надо поговорить с бабушкой Колей, рассказать ему обо всех моих тревогах. Но тогда я подведу папу, ведь он его сын, и отец будет его ругать.

Вечером, когда мы смотрели мультики, по скайпу вышли на связь баба Таня и дедушка Коля. Папа, поговорив совсем немного, развернул планшет на нас, и мы по очереди отвечали на их вопросы. Я очень боялся, чтобы Дашка что-нибудь не ляпнула. Но она лишь сказала, что мама устала и спит, потому что мы долго играли в парке аттракционов. Дед приглядывался ко мне внимательнее обычного, спросил: «Саша, у тебя всё в порядке? Точно у тебя ничего не произошло?»

Я сказал:

– Всё ОК, есть хорошие отметки, нормальные тренировки, но есть и вопросы, которые меня беспокоят. О них мы поговорим при встрече...

– Опять про космос? – пошутил дед, но мне показалось, что он понял, как мне не до шуток.

– Расскажу, когда-нибудь... – ответил я.

Дед промолчал: что можно сказать по скайпу? Потом папа отправил нас на кухню пить молоко, и мы слышали, как два отца разговаривали на повышенных тонах.

Глава 6

Раджан, или попросту Радж, был не только сыном хозяйки дачной усадьбы, он заправлял мальчишками всей улицы. Мама у него – местная южанка, отец – индус, торговец компьютерной техникой. По-русски говорил плохо, сына выучил английскому, что никак не давалось его жене. В то лето мы – папа, мама, Дашка и я – снимали у них флигель вместе с тремя другими соседями. У нас приличные условия были, а одна семья жила в зимней бане, ещё две – в комнатах на втором этаже дома, имевшего столетнюю историю. На первом – с кухней, ванной и туалетом – обитали Радж с мамой, отец, занятый торговлей на рынках, почти постоянно находился в городе. Худенький, даже шуплый, он казался в два раза меньше своей жены, почти двухметровой наследницы купеческих владений: дом с дореволюционных времён принадлежал её прадеду.

Поскольку мой папа тоже занятой человек, работавший в те времена сутками напролёт, а мама возилась с моей маленькой сестрёнкой, я довольно часто жил сам по себе. Радж ценил меня как полезного и свободного для контактов человека. Но тем не менее терпеть не мог меня на улице, поскольку я ни в чём не давал ему спуска, не только сопротивлялся его командирским замашкам, но довольно успешно высмеивал его глупые фантазии перед пацанами. Мускулами он был в отца, проигрывал мне не только мозгами, поэтому постоянно натравливал на меня уличных «солдат-дуболомов Урфина». Попадало ли мне? Ещё как, особенно когда объединялись двое или трое из них. Мама замечала мои синяки и шишки, жаловалась папе, тот обнимал меня вечерами, в свободную от работы минуту, выслушивал какие-то мои небылицы и говорил: «Ничего, сын, до свадьбы заживёт...» Нет бы прошёлся со мной по улице туда-сюда (а он – высокий, широкоплечий), просто бы прошёлся, и то, я думаю, у многих бы отпала охота приставать ко мне. Но он приезжал домой так поздно, что все пацаны давно видели пятые сны.

Радж классно знал комп, отец менял ему планшеты, мобильники и ноутбуки, как носки марки «неделька». Правда, техника была не новая и имела какую-то, без сомнения, криминальную историю, но не пойман – не вор. Второе, чем владел русский индус, как факир, – игорные карты. Обыкновенные, какие я видел у дедушки Коли и бабы Тани. Мы иногда вечерами, в каникулы, играли в подкидного дурака. Радж знал приёмчики, когда карты выскакивали именно те, которые нужны были для подсчёта очков. Он обыгрывал партнёров не только в дурака, за что тоже брал деньги, но частенько играл с мальчишками в очко, тысячу и даже пытался научить их игре в покер, но безуспешно, мозги у тех никак не включались. Тогда он обыгрывал их на деньги в шашки, шахматы и даже в настольный теннис.

Играли в карты, как всегда, на берегу мелкой, но стремительной речки, на небольшом мысочке, спрятанном от посторонних глаз высоким камышом. Перед выходом на реку я стоял на веранде дома Раджа, видел в открытые двери, как он подходил к большущему дивану, выдвигал на полметра нижний ящик, вытаскивал оттуда две или три пятисотрублёвые купюры и с усилием задвигал его назад, скрипя колёсиками. Диван тоже был старинный, купеческий, смастерили его ещё до отечественной войны. Он несколько раз предлагал мне стать его помощником, чтобы овладеть знаками обозначения: например, увидев козырного туза у противника, я должен почесать нос, короля – ухо и т. д. Но я отнекивался, а потом сказал категорически: «Нет». Это его несколько не расстроило, по-моему, он нашёл помощника и без меня. Но я уверен, выигрывал бы он всегда: в карманах, в загнутых рукавах рубашки, под ремнём брюк – везде у него были спрятаны карты.

Я, вообще-то, не любил карты, меня с детства и папа, и дед приучили к шахматам. Но как-то раз Радж пришёл к нам на открытую веранду, мы расставили шахматные фигурки, начали партию, и мама оставила нас в покое, ей хватало дел с малышкой. Тогда русский индус вынул купюру в 500 рублей и предложил разыграть её, но только в карты. А я уже который год копил

на ноутбук, не хватало чуть-чуть, пару тысяч. Долго отказывался от карт, а тут вдруг решил попытать счастье. Кроме дурака, я ни во что не умел играть: он быстренько обучил меня игре в очко. Наверное, для азарта даже проиграл мне тысячу рублей, но потом всё покатилося как снежный ком... Короче, я принёс ему из копилки почти десять тысяч рублей, он спокойно засунул их в потайной карман джинсов, сказал:

– Не вздумай жаловаться, играли честно, а карточный долг порядочные люди всегда отдают. – И добавил: – Читай классиков, Сашок...

Что было делать? Отцу не мог сказать о своём горе, по крайней мере, почти неделю он был не в том расположении духа, что-то на работе не ладилось. О маме я просто молчу: она бы с ума сошла, если бы узнала, что её сын играет в карты. К счастью, о копилке меня давно уже никто не спрашивал, наверное, ждали моего дня рождения в середине лета, чтобы подбросить ещё немного денег. Именно в это время на пару дней заскочил к нам дедушка Николай: он один отдыхал в сердечном санатории, недалеко от нас. Мы гуляли с ним по берегу речки, кроме пескарей, вьюнов да уклеек, здесь не водилась другая рыба, поэтому даже не стали снаряжать удочки. Он спросил о жите-бытье, сказал, что они с бабушкой не смогут приехать на мой день рождения: для пенсионеров накладно стало ездить на дорогуших ныне поездах. Позвал меня и Дашу в гости на новогодние каникулы, сказал, что на реке расчистят каток с освещением.

Я бодрым голосом попытался рассказать, что у меня всё в порядке, но на его вопрос о копилке для компа вдруг ни с того ни с сего взял да и пустил слезу. До сих пор стыдно вспоминать, но уж лучше деду всё рассказать, чем отцу с матерью. Он попросил незаметно как-то познакомить его с хозяином домашнего Лас-Вегаса. Короче, на ловца и зверь бежит: Радж припёрся после завтрака, когда мама увезла Дашу в парк, отец уже уехал на работу, а мы с дедом играли на веранде в шахматы. Потом собирались на футбольном поле пансионата для черныбыльцев попинать мяч, олимпийский, привезённый дедом из столицы.

– Здравствуй, молодой человек, – дружелюбно приветствовал Раджу дедушка, – мне о вас много интересного рассказали. Вы прекрасно в карты играете, всю улицу, если не весь посёлок, обыграли...

– Чё верите-то! Врут всё! Вот с Сашком любим в шахматы сразиться, но он слабоват против меня, проигрывает...

– Слышал, что в шахматы и на денежки играете? – перебил его дед. – Может, составите компанию? У меня тысяча завалялась после отпуска. Ставлю её на партию. А потом, молодой человек, если проиграете, принесёте все деньги Александра, которые он почти два года копил на ноутбук. Если выиграете вторую партию, я вам отсчитаю ровно десять тысяч рублей. А ещё честнее будет, если и вы денежки принесёте прямо сейчас...

Радж молча вышел с веранды, сходил в зимнюю баню, вернулся с железной коробкой из-под советского монпансье. Там лежала часть скопленного от карточных игр капитала. Когда дед выиграл у него партию, примерно на двадцатом ходу (я так волновался, что даже не помню все ходы), индус отсчитал десять тысяч и, отдав их дедушке Коле, сказал:

– Вторую партию не играем, и сдачи не надо. Учись, Сашок, у своего деда. А ноут как хорошему соседу я закажу тебе у отца, подешевле будет, но в надёжности не сомневайся. Желаю, значит, дедушка Коля, много здоровья. Мне бы так научиться играть в шахматы... Я бы всех пенсионеров на сквере обчистил, хи-хи-хи-и, – тоненько засмеялся он, закрыл яркую крышку железной банки и пошёл к укромному местечку в зимней бане, где держал схрон. Дедушка молчал, передал мне деньги, сверху положил сэкономленную им в отпуске тысячу.

– Итак, ты не играл – не проигрывал, – сказал он, усаживаясь на ступеньки веранды, – это болезнь, сынок. Она ещё аукнется и твоему соседу, и всем, кто с ним связан. Один мой хороший знакомый проиграл всё, оставалась только его никчёмная и никому не нужная жизнь. Он действительно никому не был нужен, даже его детям...

Когда мы пошли на футбольное поле, я крепко держал деда за руку. У него была жёсткая и очень холодная ладошка. Я загадал: если она согреется раньше, чем мы дойдём до пансионата, дедушка проживёт долго-долго. Ладошка не согрелась...

Глава 7

Даша разболелась, мама осталась с ней дома, а мы с отцом полетели на похороны деда. Я не понимал ещё до конца, что произошло. Не знал, что обозначают слова «смерть человека», за мою жизнь у нас никто не умирал. Папа говорил с бабушкой Таней по телефону (она не захотела включать скайп), продолжая держать мобильник в руке, сел на кухне у окна и стал смотреть на хмурое воскресное утро. Долго молчал, потом сказал: «Отец умер, сердце остановилось во сне, мама даже не знала. Но почему... почему так рано... почему?» – он буквально застонал.

Наша мама промолчала, мне всегда казалось, что она боялась и недолюбливала деда. Мило улыбалась при встречах, никогда не говорила о нём с папой, а уж тем более со мной. Правда, несколько раз сказала, типа: «Ты упёртый, как дед» или «Упаси нас бог иметь в роду ещё одного чиновника...» А отец не так давно при мне очень серьёзно поругался с дедом: что-то не сложилось со столичной квартирой, где мы все были прописаны, но жили – в съёмной, по месту работы папы. Он кричал в скайп: «Это всё, что долбанное государство дало тебе за труды, та же хрущёба, только выведенная на десятый этаж! Как жить там всем вместе, как?» А дед, я хорошо слышал, ответил:

– Никогда, ни у кого ничего не просил и не собираюсь сейчас, уйдя в отставку, этого делать. Когда нас с матерью не будет, тогда полностью распорядитесь ею. Других квартир у меня нет...

– А другие? По две-три квартиры прихватили! – успел буквально крикнуть папа, но дед отключил компьютер. Всё ещё по инерции он продолжал кричать – упёртый, как осёл: – Ни получить, ни заработать, ни скопить – ничего не захотел делать. Принципы, видите ли, важнее...

– А я что говорила, – сказала мама, – весь он в этом. Да и ты хорош, на собственную квартиру не можешь заработать...

Дальше началась откровенная ругань, и я ушёл в комнату. Думал, почему так ведут себя с дедушкой родители, что он сделал им плохого? И почему они не хотят с ним жить, тем более полгода они с бабушкой – в деревне, на реке, в собственном доме? Ведь на лето они привозят нас с Дашкой к ним, а сами уезжают, куда захотят, и не считают это плохим делом. Так и остался для меня вопрос без ответа.

На вечерний рейс билетов давно не было, отцу пришлось идти к начальнику аэропорта, и нас поместили только на утренний. Он позвонил бабушке уже по скайпу, извинился, что раньше не может вылететь, спросил: чем надо помочь, что привезти? Баба Таня, вся в чёрных одеждах, сказала, что ничего не надо, что поминки будут в кафе, а сожжение дедушки, как предложили его бывшие коллеги, она отменила: он давно ещё сказал, чтобы захоронили его в землю. Попросила меня подойти к экрану, увидела, заплакала, сначала платком закрыла глаза, а потом не выдержала, зарыдала так громко и страшно, что у меня из глаз просто побежали слёзы. Бабушка пыталась что-то сказать и не могла, получалась почти непонятная речь:

– Ма-ма-льчик наш... как он лю-лю-бил... тебя и Д-да-шу... души не ча-ял. Приез-жай скорее, де-ду-шка так много не ус-спел тебе с-ска-зать... Но я всё помню, всё пере-д-дам тебе...

Папа отодвинул меня от экрана, заговорил:

– Мама, мама! Успокойся, береги себя... Мы скоро прилетим, утром встретимся... Я все хлопоты возьму на себя. Ты только не переживай, не убивайся, береги сердце, мама...

Вечер прошёл в сборах: упаковывали огромную сумку на колёсиках, мой походный рюкзак, да целую сетку свежей и вяленой рыбы принёс сосед-рыбак, узнавший про нашу горе. Папа по компу заказал машину напрокат, её должны подготовить к нашему прилёту. Потом ездил на работу, сказал маме, что у кого-то перехватил сотню тысяч рублей. Мама ответила: вот, опять дети останутся без новой одежды, в чём пойдут в школу и садик. Папа вспыхнул, сказал, что

сейчас завалит её совершенно приличной одеждой и обувью, какую уже не вмещает ни одна антресоль. А потом меня с простуженной Дашей отправили спать.

Она несколько раз спрашивала про дедушку Колю, которого просто обожала, и всё не могла понять, как умирают люди, зачем и почему они это делают. Но уснула быстро, хотя слышала плач бабы Тани, разговор с ней отца, переживала, наверное, от того, что ничего не может понять. А как ей объяснишь? Вот был дедушка Коля, и вдруг его не стало, положат в гроб его, заколотят гвоздями и опустят в могилу, в глубокую яму, засыпят навечно землёй, и мы больше не увидимся никогда. Никогда? Мне вдруг так страшно стало от этого слова, что я не мог лежать в кровати, встал, на цыпочках, чтобы не разбудить сестру, подошёл к окну, сначала облокотился, а потом с ногами забрался на подоконник, стал размышлять, глядя на ночные фонари и чёрные контуры старых пирамидальных тополей. Я видел фильмы с мертвецами, похороны всякие вспоминал, но я не мог представить деда в гробу, не мог: сразу першило в горле и носу, из глаз снова текли слёзы.

Дверь открылась, вошёл отец, поправил одеяло на Даше, потрогал её голову, направился к окну, обнял меня, поцеловал в лоб, стоял и молчал. Потом прижал к груди, заговорил тихо:

– Как тяжело, сынок, так тяжело... С этой дурацкой квартирой я довёл отца до могилы. Не иди на поводу у крика и эмоций, никогда. Дед так много пережил, был под следствием в 91-м году, изгнан со всех должностей, стал инвалидом с двумя перенесёнными инфарктами. Вот так отблагодарило его новое правительство за службу государству. Ох, папа, дорогой ты мой! Уже давно никто так не живёт, как ты пытался жить в стране, где деньги решают всё. А у тебя их никогда не было, а могло быть и очень много... Что сейчас говорить об этом? Но ты должен знать, Саша: я очень любил твоего деда и своего отца, я никогда его не предавал, он всегда был моим другом. Помни об этом, сынок. А сейчас давай спать. Помнишь, баба Таня рассказывала тебе сказку про Бабая: придёт, узнает, что ты не спишь, засунет в мешок и унесёт с собой. Бабушка учила детей в татарском селе русскому языку, там и нашёл её дед Николай. Вот, похоже, и за ним пришёл Бабай. Только этот не вернёт его обратно...

Хоронили деда Колю на обычном кладбище, чем страшно были возмущены его сослуживцы. Правда, их было совсем немного, и говорили они о Новодевичьем или, на худой конец, о Ваганьковском кладбищах. Но баба Таня молчала, ничего не объясняла, сказала лишь какому-то представителю правительства со странным именем – Бабай Константинович: «Так захотел Николай. Я лишь выполнила его просьбу. Если вы пройдёте здесь вдоль забора, то увидите могилу первого и последнего премьер-министра страны, ему тоже, в своё время, не нашлось места в престижном пантеоне... Об этом мой муж помнил всю оставшуюся жизнь».

Говорили речи, немного и недолго, пошёл мелкий, почти грибной дождь, саван на лбу деда намок, холодил мои губы, когда я целовал его, прощаясь навсегда. Меня крепко держала за руку баба Таня, она будто боялась, что я потеряюсь в толпе прощавшихся. Священник быстро и монотонно читал над дедом молитву, потому что он был крещёный, как и я, крестившийся в знаменитом Угличском монастыре. Когда уже закапывали могилу, к бабушке подошла её подруга по дому, сказала:

– Таня, дорогая моя, поплачь, не держи в себе, это плохо может кончиться...

Бабушка ответила:

– Проводим всех, останемся, Маруся, с тобой вдвоём, да ещё Саша с нами, вот тогда и поплачем...

Подошёл представитель правительств, выразил соболезнование, добавил:

– Можно, пройду с молодым человеком по аллее? – И посмотрел на меня. – Я верну вам внука, Татьяна Васильевна, не пройдёт и пяти минут...

– Меня зовут Бабай Константинович Доброволин, – сказал он, как только мы отошли от могилы, – по маме я татарин... Всё остальное – неважно. Кстати, можешь звать меня Бобо, так проще. Сколько тебе лет? Скоро двенадцать... Когда подрастёшь, будешь звать меня Боб... Ты

знаешь, Саша, я очень многим обязан твоему деду, да, честно сказать, это он меня сделал большим человеком. Слушай меня внимательно: вот моя специальная визитка, спрячь её, там мой домашний телефон, он обычно не меняется. Можешь звонить в любое время. Я помогу всем, чем смогу. А ты знаешь, что очень похож на своего деда? Он был кристально честным и порядочным человеком, жил на одну зарплату, хотя создавал для других империи из новых газет и журналов... Итак, про нас, живых: со старшим внуком, Дмитрием, проще, он уже студент, крепко стоит на ногах, да и отец у него – деловой человек. А вот за тобой – нужен хороший присмотр. И я готов это сделать. Помни о нашем разговоре. А сейчас пойдём к бабушке, она уже волнуется. И, пожалуйста, никому ни слова, а то придёт Бабай и унесёт тебя в мешке... – Он улыбнулся.

– Да, – сказал я, – он уже унёс дедушку. И это – навсегда... Что же вы не защитили его? Где вы были и как это допустили?

– Какие вопросы, речь – не мальчика... Давай поговорим, когда пройдёт траур. Или лучше, когда ты немного подрастёшь. Обещаю, я всё тебе расскажу, ты, конечно, должен знать о своём дедушке... Идём к бабе Тане? Береги её, Саша.

Папа совсем позабыл про меня, крутился как белка в колесе: платил деньги священнику, спорил с могильщиками, измерял землю для будущей ограды, рассаживал всех в автобусе и по машинам. Бабушку, тётю Люду, свою старшую сестру, её сына и меня посадил в прокатную машину, и во главе колонны мы поехали в кафе. Туда прибыло ещё меньше народу, стол для поминок не заполнился и наполовину. Я сел слева от бабушки, справа – Дмитрий, потом тётя Люда, рядом со мной – папа. Снова говорили что-то хорошее про дедушку, пили вино, ели холодные закуски и большие бифштексы.

Я совсем не мог есть, ко мне потихоньку подкрадывалась тоска: вспоминал, сколько удовольствия было у нас с дедом, о чём мы говорили на рыбалках, как он изображал героя фильма «Неоконченная пьеса...», смешно бежавшего по обрыву над рекой, как играли в шахматы и как он учил меня записывать ходы, про Кузю и схватку лягушки с ужом... «Господи, – думал я, держа в своей руке под столом руку бабушки, – а ей-то теперь как жить? Что она будет делать без своего Коленьки?» В мозгу зрела одна мысль: надо пожить у бабы Тани столько, сколько ей будет хорошо со мной. «Школа есть у дома, мне не надо репетиторов, особых режимов и особого питания, теннис подождёт... – Уже не мог думать ни о чём другом. – Главное, я буду рядом с ней, нам будет веселее вдвоём. Надо поговорить с отцом. Но вперёд – поговорить с бабушкой».

Наклонившись к худенькому плечу бабы Тани, я дотянулся до уха и стал шептать:

– Хочу сделать предложение, думаю, оно тебе понравится...

– Хорошо, мой мальчик. Потерпи до дома, там и поговорим...

Она крепко сжала мою руку под столом. «Дома так дома», – подумал я, и мне стало намного легче. Я был уверен, она скажет «да».

Глава 8

Мама, конечно, слышать не захотела о моей жизни у бабушки. А отец не смог сам решить простой, на мой взгляд, вопрос, начал звонить ей, советоваться, потом отослал меня на кухню к бабе Тане и по скайпу говорил один. Но я слышал, как мама довольно строгим голосом учила его: надо поговорить с бабушкой о возможном переезде нас – её, папы, Дашки и меня – в дедушкину квартиру. Папа молчал, лишь сказал: время траура не для таких разговоров и что у бабушки будут свои взгляды на эту проблему. Мама стала его ругать, ну упрекать опять же, что он ничего не может решить сам.

Я прошёл на кухню, увидел, что бабушка сидит у окна, смотрит на улицу, а глаза у неё ничего не видят. Дом был старый, наверное с дырками, и разговор папы с мамой она слышала не хуже меня. Почему-то совсем не отреагировала, когда я прижался к ней, положил руку на плечо и стал целовать в голову, закрытую чёрным, пропахнувшим церковным воском, платком. Она третий день после похорон дедушки Коли ходит в церковь, молится. Мы с папой тоже раз пошли с ней, в церкви было интересно, но тоскливо: дома и на улице ещё как-то забываешь о деде, а там он весь перед тобой. Будто стоит рядом с иконой Николая Чудотворца (первый раз я увидел её в музее), но спиной ко мне, вроде бы хочет повернуться и посмотреть, а не может... Я ошибаюсь, наверное, от этой тоски везде вижу дедушку.

Наконец бабушка поняла, что я рядом, наклонила мою голову и, поцеловав в лоб, сказала: – Ничего, сынок, ничего, мой маленький, я выдержу и одна, а на Новый год обязательно приезжай. И Дашеньку возьми с собой.

Не зря моя мама зовёт её «товарищ комиссар»: бабушка может и виду не подать, как ей тяжело и больно. Но я-то всё вижу. И вдобавок понял две вещи. Первое: плетью обуха не перешибёшь, так говорит папа о нашей маме. Аргументы у неё железные: ребёнку, особенно в таком возрасте, нужны родители. Потом – школа с экзаменами, теннис, изостудия. Конечно, по её словам, неплохо бы иметь всё это не в провинции, а в столице, но, что делать, утверждает она, нас там не ждут. И второе: мои родители, не разрешив мне пожить у бабушки, притворяются, будто не видят, как тяжело ей сейчас. Это меня огорчает больше всего. Даже больше планов мамы: старую квартиру деда продать, вместо неё купить коттедж на природе, для бабушки – выменять комнату в коммуналке.

Я долго думал, как рассказать обо всём этом бабе Тане, но понял, что нельзя лезть с такими проблемами, это её просто доконает. А как быть? Ведь мы уже упаковали вещи, отец не смог остаться даже на девятый день после похорон: Дашка разболелась. Бабушка в основном молчала, со мной разговаривала, но сухо, лишь отвечала на вопросы, которые я пытался задавать, чтобы чуть-чуть расшевелить её. А вечером на домашний телефон позвонил Бабай Константинович, она называла его Бобо. Вдруг сказала, что сын дома и, зайдя к нам в комнату, передала папе трубку. Я понял из их разговора, что речь идёт о завтрашнем дне и что нам, папе и мне, надо встретиться с бывшим помощником деда в кафе гостиницы «Националь».

Думал, пойдём в ресторан с огромными окнами, с разноцветными конями на стенах, будто летящими по воздуху, возле которых мы прогуливались с отцом, дожидаясь Бобо, а попали в уютное, но явно не для всех, кафе с обычными столиками на четверых и шустрым молодым официантом. Помощник шёл уверенно, поздоровался за руку с каким-то мужчиной с бабочкой, тот проводил нас в угол продолговатого зала. Мне заказали мороженое, любимое, фисташковое, и натуральный сок из ананасов, груш и ещё чего-то. Мужчины взяли по чашке кофе. Я мысленно назвал Бобо «министром», ну это те, кто чем-то руководит в Москве. Он сказал, извинившись больше передо мной:

– Простите, я закурю... Одну, и без затяжек. – Пододвинул к себе пепельницу, долго мял сигарету пальцами, щёлкнул длинной и тонкой, похожей на золотую, зажигалкой, затянулся,

дым выпустил в сторону от меня. – Вас зовут Юрий Николаевич? – обратился он к папе. – Очень приятно. Меня можно называть Бобо. Я много лет проработал или вместе, или рядом с вашим отцом, – посмотрел на меня, – и дедом, сейчас представляю самую большую компанию СМИ. Я потом объясню, – сказал он мне, – что это такое. Мы встречались с Николаем Ивановичем не так давно, к несчастью, он не был готов к трагическим для него событиям, но всё же успел затронуть тему будущего его внука, а это значит и вас, Юрий...

– Мы ни о чём подобном не говорили с отцом, – почему-то резко сказал папа, – это наше семейное, внутреннее дело...

– Конечно, не спорю, но всё же прошу выслушать меня до конца. – В это время официант принёс на подносе заказ. Расставил чашки с вкусно пахнущим кофе, мне пододвинул вазочку с мороженым и бокал тёмно-зелёного густого сока. Бобо помешал ложечкой напиток, отхлебнул маленький глоток, забыв, наверное, положить сахар. Отец смотрел на него, до кофе не дотронулся. А я вдруг сразу понял, о чём «министр» хочет говорить. Дедушка думал о нашем будущем и просил его помочь нам. Да и отец это понял, но почему-то злился и еле сдерживал себя.

Конечно, я не помню всю речь Бобо, расскажу, что уловил. Короче, решением правления компания приобрела на моё имя пакет акций, более двух процентов. До моего совершеннолетия ими может управлять отец, но с запретом выводить их за границу, продавать и ещё что-то, что связано с непрофильными тратами. (Бобо сказал примерно так: с одобрения правления мой папа может приобрести любую недвижимость, но не яхту или самолёт, отправить меня и Дашку на учёбу за границу, не меняя нам гражданства.) И ещё важное он сказал: квартиру, в которой живёт наша баба Таня, надо оставить в покое, это её просьба. Она доживёт свой век там, где прошла почти вся её жизнь. В общем, таких условий до моего совершеннолетия получилось довольно много. Может быть, поэтому реакция отца была резкой:

– Знаете что, уважаемый Бобо Константинович, не лезьте в мою семью. Я вас ни о чём не просил и не собираюсь просить. Мы уж как-нибудь разберёмся без ваших акций... И вообще, кто вам дал право так себя вести?

– Да, Юрий Николаевич, мне никто не давал такого права, кроме вашего отца. И я лишь пересказал вам содержание юридического документа, который наша компания подписала с Николаем Ивановичем. Это и есть расширенный вариант. Но отец предвидел возможную реакцию с вашей стороны и попросил подработать второй, более короткий вариант соглашения. А именно: внук, Александр Юрьевич, вступает в наследство по достижении своего совершеннолетия. Всё, никаких больше отступлений и вариантов. Вам здесь остаётся лишь дожидаться взросления сына, а что будет через шесть лет, одному богу известно... И хотите вы или компания, или не хотим мы этого, ничего изменить будет уже невозможно. Выбор за вами, подумайте, посоветуйтесь, с кем считаете нужным, но недолго: свидетельство о смерти отца даёт право немедленного вступления в силу соглашения. И чтобы вы знали, вот приблизительная стоимость акций. – Достал маленькую электронную книжку с карандашом на проводе и вывел на листке девятизначную цифру. Мне показалось, что первой стояла цифра два.

– В доллары переведёте сами? – закончил он речь, откинулся на спинку стула, стал пить кофе маленькими глоточками.

Отец побледнел, просыпал на стол песок из пакетика, долго мешал ложкой чёрную жидкость. Я спокойно доедал мороженое, иногда запивая его соком. Вдруг папа сказал:

– Нам надо ехать в аэропорт.

– Я вызвал машину, она будет в вашем полном распоряжении. Вот визитка моего секретаря, звоните в любое время: как владельцу пакета акций вашему сыну положено обслуживание за счёт компании...

– Дожил, – сказал отец, – становлюсь приживалкой у собственного сына.

– Вы не правы, Юрий Николаевич, вы становитесь своеобразным регентом над сыном, если согласитесь на первый вариант. Думайте, я жду вашего ответа три дня. Иначе в силу вступит второй вариант с итогами через шесть лет...

– Спасибо вам за всё, особенно за признание заслуг моего отца: лучше поздно, чем никогда...

– Он всё знал, – перебил папу «министр», – все правила игры, но никогда не отступал от своих принципов. – Потом ещё добавил: – Система процентов и откатов была не для него, большого государственного деятеля. Сначала мы по-тихому посмеивались над ним и только с годами начали понимать, что такое безупречная репутация.

Домой ехали на «мерседесе». Водитель сказал, что будет ждать на стоянке у дома, напомнил, что теперь усложнилась процедура контроля, надо приехать в аэропорт пораньше. «Знаем без вас», – пробормотал под нос отец, но вслух поблагодарил его и мы пошли к бабе Тане. С порога он заявил:

– Вот, познакомься, мама, привёл миллионера. Через шесть лет, к восемнадцатилетию, твой внук станет обладателем капитала в двести миллионов, если акции ещё не вырастут...

– Я знаю, – сказала баба Таня, – Николай говорил об этом... Я думаю, он правильно поступил. Тебе надо подписать бумаги первого варианта, с пользой расходовать капитал, который вернули отцу через его внука.

– Не обижайся, скажи: мне он не мог передать эти долбаные акции?! – вспыхнул, почти закричал папа, а мне показал рукой на дверь в кухню.

– Не гони Сашу, – сказала холодно бабушка, – там всё слышно, да и он теперь должен знать об этой ситуации. Во-первых, отец не предполагал, что акции так вырастут в цене: он думал завещать их внуку на продолжение учёбы, на непредвиденные обстоятельства. Не дай бог, но на нём тогда остаётся и младшая сестра. Во-вторых, мы столько денег угробили на тебя, начиная с выпускного класса школы и по сей день... – Папа что-то хотел возразить, но бабушка не дала ему открыть рта. – Вопрос решён! Поставим на этом точку: или ты остаёшься разумным отцом при деньгах сына, или он сам распорядится ими со временем. А сейчас давайте собираться в аэропорт, скоро рейс...

Отец долго кричал о несправедливости родителей по отношению к нему, о том, что внуки руки не подадут им при встрече. На что баба Таня только и сказала:

– Деду уже не подашь руки ни при каких обстоятельствах, да и я не вечная, скоро отправлюсь на встречу с ним.

Я ушёл на кухню, туда же перебралась и бабушка.

– Всё уладится, – сказала она, – это честно заработанные деньги, которые дедушка Коля решил передать тебе как внуку и как брату младшей сестрёнки. А папа подумает, посоветуется с твоей мамой, вернётся и подпишет бумаги. Вот тогда, – закончила разговор баба Таня, – и я буду спокойна за тебя, за Дашу, за вашу семью.

Глава 9

Мне так нравилась Катя, что иногда от желания видеть её, вдыхать запах школьного рюкзака, из которого она доставала книжки и тетрадки, дотрагиваться до руки или плеча, прикрытого распущенными тёмно-каштановыми волосами, у меня кружилась голова. Она уже так привыкла к моему столу в классе, что останавливалась точно у него, даже если шла спиной, разговаривая с кем-то из подружек. Улыбаясь и показывая ровные белые зубы, шутила:

– Привет, Саня! Ты сегодня такой красивый и серьёзный. Что-то случилось?

Недавно она прочитала роман Каверина «Два капитана», только и рассказывала о нём почти всю неделю, незаметно для всех стала называть меня Саней. Я давно прочитал книгу, но хорошо помнил, что героиню звали Екатерина. Катя, как и обещала, перебралась в классе за мой стол, а поскольку это случилось так давно, никто и не вспоминал о перемещении новой ученицы. Хотя какая она новенькая: казалось, что мы вместе уже сто лет. Она по-прежнему жила на выселках, в военном гарнизоне, и мне не очень хотелось вот так сразу отпускать её после школы. Я понял, что и ей не хочется садиться в старенький жигулёнок отца. Тот видел наши прощания, наверное, что-то придумал, в один из дней Катя сказала:

– Мы можем пройтись до последней остановки трамвая, папа или мама будут ждать меня там. Это удобно им, и мы прогуляемся, как говорит папа, мозги проветрим после занятий...

– Классно, – сказал я, не скрывая радости. – А кто у тебя отец?

– Военный... Но я не так много знаю о его службе. Вообще-то, он закончил Ленинградский политех, инженер по ИТ. Служил год офицером запаса, из-за жилья (дали новую большую квартиру) остался в армии. А теперь уже и младший брат появился, и папа привык к службе, да и мы освоились с переездами. Сейчас он – старший офицер КП, только что досрочно получил звание майора...

– А что такое КП?

– Вроде бы командный пункт... А я уже поучилась в четырёх школах: в Забайкалье, на Урале, в Заполярье и вот здесь. Я так рада, что встретила тебя, Саня. У меня почему-то нигде не было настоящего друга, как ты. Даже среди девочек: только начнёшь привыкать к школе, как опять переезжаешь.

– Так и здесь, значит, всё может быть ненадёжно? – сказал я, выдав своё огорчение.

– Нет, я поняла: у папы есть перспектива, может до полковника дослужиться.

Мы шли по плохо очищенному от снега тротуару, в двух метрах от нас по рельсам грохотали красно-жёлтые трамваи, которые через четыре остановки делали «кругалю» у парка культуры и отдыха, граничащего с набережной широкой и полноводной реки. Здесь на десяток километров тянулись узкие самодельные пляжи, засыпанные сегодня белым глубоким снегом, а летом – не протолкнёшься: на специально оборудованный горпляж без машины не доберёшься, а маршрутки ездили, кому как из водителей вздумается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.